

АЛЕКСАНДР РОГИНСКИЙ

Фальстарт

В спорте за фальстарт наказывают — снимают с дистанции. В бизнесе — становятся успешными, если идея конкурентоспособная.

Но как тяжело бывает вырваться вперед, ведь надо преодолеть колоссальное сопротивление — как внутреннее, так и внешнее.

Порой это стоит жизни.

АЛЕКСАНДР РОГИНСКИЙ

ФАЛЬСТАРТ

Следовало все-таки пойти на день рождения Сузанова.

Но Федор остался дома и даже не позвонил. А вот завтра будет уместным ненавязчиво поздравить — порадовать последним достижением.

Они, наконец, сумели добить этот чертов двигатель.

Пусть сам решает, что важней — пить водку и произносить лживые слова или завершить дело восьми лет каторжного труда. Ровно столько они этот двигатель чертили, испытывали, снова чертили, выбрасывали из памяти, снова к нему возвращались. И наконец, вчера получили результат.

С помощью двигателя их новый автомобиль будет развивать на хорошей площадке скорость до 400 километров в час, разгоняясь до 100 километров за десять секунд.

Не в скорости дело, а в новизне подхода конструкции двигателя.

О нем знали три человека, не так сложно было запоминать новые пароли (названия ими и были на самом деле).

Все это делалось для сохранения тайны,

возможности размещать заказы на изготовление отдельных деталей на заводах.

Сузанов не был посвящен в их дела.

Федор Изаков Сузанову не доверял.

Эксперимент заканчивался. Никто не должен был мешать.

Лучший способ — закрыться на время, уйти из-под контроля, а затем появиться в совершенно новом амплуа с готовенькой моделью, еще лучше — с реальным автомобилем.

Только тогда с ними будут разговаривать на другом языке; автоматически фирма переходит в ранг дающей, а не просящей.

Это — крупные заказы, которые помогут довести конструкцию до возможного совершенства.

Но, наверное, все — таки следовало поздравить Николая. С ним было столько связано, сделано.

К внутренним поединкам Федор давно привык, они не выходили, как правило, за установленные пределы. А вот сейчас вышли. Одна сила тянула за стол, за которым уже удобно разместилась вся верхушка холдинга, вторая за другой стол — рабочий, где соединялись и росли мысли, превращающиеся в материалы и узлы, в конце концов — в скорость, успех, богатство.

Федор обязан был пойти на этот шаг.

Иначе разрыв с Сузановым получился бы

совершенно несуразным. Сегодня они пьют на брудершафт, завтра целятся друг в друга.

Должна быть пауза. И день рождения — как специально придуман для этого.

Федор открыл электронную папку, сделал расширение формата, стал изучать последний чертеж.

Собирался засесть за пояснительную записку, а потом приступить к составлению рекламных тезисов. Телефонный звонок вырвал его из удобно — обжитого пространства, вернул на грешную землю. То, что услышал, было похоже на колоссальной мощности взрыв.

Павел Рекун сообщил, что на именинах убили Сузанова.

— Ты что — перепил, Павлуша? — спросил Федор спокойно.

— Конечно, а потом сразу отрезвел, когда услышал, как раздается хлопок, а потом шеф медленно валится на стол, словно подрубленное дерево, и все сидят и замороженно смотрят...

Все это, казалось, из дешевого детектива. Почему убили Сузанова, да еще и на собственных именинах!?

Думая над этим, Федор ощутил облегчение. С каждой секундой оно все нарастало.

— Что ты молчишь?

— А что я могу сказать? Я в шоке.

— Мы ждем следователя. Хочешь — подъезжай.

И Павел положил трубку.

Некоторое время Федор смотрел на ботинок, оставленный у дивана. Ему предложили приехать.

Зачем он там нужен, он ведь и не пришел к Сузанову, чтобы показать, что является близким другом. А как расценят его появление сейчас...

Виной тому, конечно, звонок Павла.

Это было предупреждение, что все знают, почему он не явился на именины. Не явился, ибо знал, что там произойдет.

Павел должен был ему сообщить об убийстве, чтобы дать понять: все в недоумении.

Приехали. Ничего такого Павел не имел в виду. Как порядочный человек, просто сообщил о случившемся.

Ничто тут не вяжется. Павлу, во-первых, далеко до звания «порядочный» (если и порядочный, то подлец); во-вторых, совершенно очевидно, звонил, чтобы услышать и увидеть реакцию, кто его окружал в данный момент.

Федор выглянул в окно. Двор спал под огромными сугробами. Небольшие бугорки крыш автомобилей свидетельствовали: ехать — полное безумие.

Обстоятельства на его стороне, можно потом сказать, выехать из двора не смог.

Представил на унылых лицах кислые улыбки.

Ехать надо, чтобы все видели, что он никого не боится. Там уже работает следователь, прекрасно, он даст показания, как раз в этот момент подписывал разрешительные бумаги, вот они — горяченькие — смотрите.

Боже, сколько страхов окружает человека в жизни!

Сейчас к Федору подбирался страх неизвестного. Он не знал, с какой стороны будет нанесен удар (а что он будет нанесен, не сомневался).

Как только переступил порог парадной двери, по пояс окунулся в белый легкий снег, который рассыпался перед ним.

Снежные пики — вершины автомобилей — превращали двор в горное ущелье.

На улице снег убирали, можно было добраться до метро. Федор отвык от этого народного транспорта. Пришлось вспоминать: где брать билеты, по какому эскалатору спускаться. Он чувствовал себя иностранцем, попавшим в чужой город. И лица людей здесь отличались от тех, кого он видел наверху.

* * *

...Сразу наткнулся на Павла. Тот торопливо

спускался по лестнице. Обнял Федора, потянул за рукав.

— Мы там сейчас не нужны. Полно милиции и охраны, а гости разъехались.

Так какого ты меня сюда вызывал, хотел спросить Федор, но не спросил, а покорно двинулся за Павлом.

Павел был одет в свой фирменный свитер, подчеркивающий балетную фигуру. Бывают такие баловни судьбы. Спортом и даже физкультурой не занимаются, едят как не в себя, мало двигаются, а выглядят стройными, оживленными, физически здоровыми.

Павел хорошо представлял себя со стороны, поэтому выбирал одежду чаще всего спортивного покроя. И сейчас он шел чуть подпрыгивающей походкой, словно танцевал балетный номер.

Федор знал, куда вел его Павел, — в музей автомобиля.

Много лет назад, когда холдинг только начинался, Сузанов вложил немалые капиталы на закупку старых автомобилей, точно рассчитав, что вложенное окупится сторицей.

«Все старое, говорил Сузанов, растет в цене: дома, автомобили, книги, картины, инструменты... Человек, к сожалению, за редким исключением, к старости только обесценивается. Поэтому мы создадим музей, который лет через

десять-пятнадцать будет стоить миллионы».

Слова Сузанова сбылись, только вот его списали в архив, примитивно убив. Среди белого дня киллер прицеливается и ставит точку на радужных надеждах автора гениальной идеи.

В музее Павел хочет что-то рассказать или показать, явно имеющее отношение к этому поразительно дикому убийству.

Огромный салон, с четырьмя плазменными телеплитами по углам у самого потолка, наполнен прекрасными образцами человеческой инженерной и эстетической мысли: каждый штришок продуман, каждая деталь просчитана, все блистает в полумраке розового света.

Ежедневно эти машины, молчаливые изгои, чистят, моют, лакируют, заводят и дают возможность вспомнить, какой была их бурная молодость.

Что-то было неумолимо человеческое в этих металлических существах, словно солидные — толстые, худые, старые и молодые люди сидели на кожаных диванах и молча смотрели друг на друга, наслаждаясь своей неувядающей красотой.

Вот последняя новинка, приобретенная Сузановым за бешеные деньги (кажется, полтора миллиона долларов) Zero Pollution. Ее на одной из выставок представила французская фирма MDI (Motor Development International).

Автомобиль оборудован двигателем на сжатом воздухе.

Изобретателем двигателя являлся французский инженер-моторостроитель Гай Негр (Guy Negre), известный, как разработчик пусковых устройств для болидов «Формулы 1» и авиационных двигателей.

Павел хорошо помнил, что говорил Сузанов, медленно стягивая (точно женщину раздевал) бронзовое покрывало с тела автомобиля.

— Я купил его для того, чтобы учиться. Гай нас обогнал в прямом и переносном смысле. Это машина будущего потому, что работает на сжатом воздухе, не нарушая экологии, имея, к тому же, замечательные технические характеристики.

И он перечислил их, а потом рассказал о принципе работы двигателя: «Воздух засасывается в малый цилиндр и сжимается поршнем до уровня давления в 20 бар. При этом воздух разогревается до 400 градусов. Затем горячий воздух выталкивается в сферическую камеру.

В «камеру сгорания», хотя в ней уже ничего не сгорает, под давлением подаётся и холодный сжатый воздух из баллонов, он сразу же нагревается, расширяется, давление резко возрастает, поршень большого цилиндра возвращается и передаёт рабочее усилие на коленчатый вал».

Федор только посмеивался про себя: во-первых, хорошо знал во всех тонкостях детище ума Гая; во-вторых, потому, что эти замечательные характеристики их «АБВ» намного превосходил.

Выглядело это забавно. Стоят рядом солидные конструкторы, директора крупных фирм и восторгаются, как дети, новой игрушкой. А рядом с ними стоит человек, который в одну секунду мог бы опровергнуть привычные приоритеты.

Федор не сомневался, что у многих челюсти отпали и сон пропал бы, покажи он свое детище.

Но он и заикнуться не смел; ему бы не дали довести дело до конца. Поэтому все работы велись в захудалом селе Боярцы, находящемся на границе с Белоруссией, к которому и дороги нормальной не было (к счастью, добавил бы Федор).

В Боярцах они заняли брошенный двух — корпусный дом, а вернее, целое подворье. В селе жил лесник и несколько охотников, промышлявших кабаньим мясом.

Им Федор исправно платил за охрану цеха (бывшего амбара и мельницы), а также за неразглашение тайны. Никто не должен знать, что творилось за высоким (пришлось еще нарастить на два яруса бревнами-печатками, как их называли за большой диаметр ствола) забором.

Федор смотрел на машину Гая. Она, показалось, заговорщицки подмигнула

вдавленными фарами.

А что, если я сейчас Павлу обо всем этом...мелькнула озорная мысль, которую он тут же захлопнул.

Но так хотелось увидеть на этой самонадеянной физиономии, словно созданной для поцелуев красоток, гримасу страха.

Да, наверное, Павел бы испугался, ведь их «АБВ» перечеркивал все планы, которые на три четверти уже были реализованы. Где-то через год-полтора новая машина, работающая на сжатом воздухе, должна была начать инженерные испытания. А тут практически готовый автомобиль, да еще...невиданной в мире конструкции. И отечественный!

Сузанов пошел по следам Гая, а Федор Изаков и его единомышленники создали свою, отличную от всех имеющихся, конструкцию.

— Вот здесь мы, наверное, и совершим посадку, — сказал Павел, останавливаясь у широкого квадратного окна.

Они сели друг против друга. Павел достал толстую сигару.

— Ты не против, если я немного перебью автомобильный смрад чудесным ароматом хвои?

Павел Рекун не любил запаха бензина. Федор подозревал, что и машину он не очень привечал.

— Облагораживай, — согласился Федор. —

День сегодня такой, что не чувствуешь его формы.

— Как ты точно сказал. Верно, ни потолка, ни стен, ни даже дверей у этого дня нет. Я до сих пор не могу успокоиться. Все мне не верится.

При этих словах Павел поднял свои женские синие глаза на Федора, пристально посмотрел, словно ища след каких-то изменений, которые бы помогли найти объяснение всему происходящему.

— А как Валя, я хотел бы ей высказать соболезнование, если надо — помочь?

— Я уже все организовал, а к Вале лучше сейчас не подходить, у нее глаза безумные. Ей надо отлежаться или в больницу под наблюдение.

По-моему, у нее произошло что-то в подкорке. Бросалась на людей, меня чуть не исцарапала. Кричала, что это я организовал киллера, чтобы занять место мужа.

— Это при всех?

— В том-то и дело. Горе, оно и есть горе. Я никогда не подсиживал шефа, хотя и был не согласен со многими его установками.

Впрочем, вообще не был с ним согласен. Он ведь большой эстет, ему эти «Зерро» подавай, а машину плохо знает. Если бы не Скуратов...

Федор насторожился. Упоминание Скуратова, главного технолога холдинга, в такой ситуации звучало почти приглашением к очень доверительному разговору.

— Я бы тебя сюда не пригласил, если бы Скуратов не подсказал хорошую идею. У нас может сложиться хороший коллектив «передовиков».

— Передовиков? — удивился Федор. — Что-то очень знакомое, из бывшего Союза.

— Правильно. Много понятий и слов было в те времена правильными. При Союзе Украина стояла на седьмом месте в мире по новым технологиям, а сейчас мы навечно вычеркнуты из передовиков.

Стали сельской державой, и то отсталой: купи-продай.

Федор промолчал. Он смотрел, как вьется ровненький сизый круг, выпущенный из тонких губ Павла к блестящему потолку салона. Круг поднимался то ровно, то вдруг его бросало резко в сторону.

— Кто-то зашел в салон, — сказал Павел, также наблюдавший за своим дымчатым изделием.

— Похоже, — встал Федор. — Пойду, посмотрю.

— Сиди, я сам.

Павел скрылся за белым с черными обводами корпуса Toyota Camry.

Сузанов приобрел эту машину после странного случая. Ее купил партнер-американец, который перевез Тойоту в Украину и здесь, по непонятным причинам, покончил жизнь

самоубийством прямо в салоне своей любимицы.

Так что «тойота» имела как бы два имиджевых крыла. В свое время этот седан стал бестселлером в Штатах, порядком напугал американские компании, которым пришлось признать: их автомобили сильно отстали от потребностей рынка. И в нем закончил свои дни один из перспективных бизнесменов, партнеров их холдинга.

Американцы прислали группу сыщиков, Сузанова тогда таскали долго на допросы, было даже подозрение, что он замешан в мотивах самоубийства. Но потом дело само собой рассосалось.

Федор думал, что наверняка теперь Павел и иже с ним этот музей выгодно продадут. Но что же Рекун хотел от него, да еще в такой день? Неужели это связано с убийством?

Связано. Теперь Федор в этом не сомневался.

Павел вернулся без сигары, что говорило о его изменившемся настроении.

Он мягко, задержавшись на ногах перед тем, как соприкоснуться задом с кожей, сел в кресло.

— Обстоятельства, Федя, вынуждают меня сократить максимально нашу встречу. Надо ехать к Вале, она там произносит недозволенные речи, которые для всего холдинга могут закончиться плачевно.

Я вот что: хотим предложить тебе должность главного конструктора холдинга. Подумай, не торопись. Но ведь понимаешь, что если согласишься, то переедешь к нам со всеми своим скарбом. Все. Теперь я должен бежать спасаться.

Павел судорожно всунул холодную руку в широкую ладонь Федора и скрылся за Тойотой.

* * *

Геля была довольно крупной мясистой девушкой. Ее черные цыганские глаза смотрели рассеянно, будто она разговаривала с призраком. Федору иногда казалось, что он спит с инопланетянкой, от которой исходит огромный жар и страсть, но совершенно непонятно, где в этой облачной массе человек.

Наверное, это и нравилось больше всего Изакову, генеральному директору фирмы «Изоб».

С Гелей он разговаривал, получая отклики, настраивающие его на дальнейшее мыслетворчество. Геля не мешала думать, скорее, помогала своим спокойствием и постоянным недоумением.

Правда, иногда она словно просыпалась и выдавала замечательные проекты; Геля была архитектором, дизайнером, художником, режиссером-постановщиком всех моделей

автомобилей, разрабатываемых «Изобом».

Федор познакомился с Гелей на презентации их первого автомобиля — двухместного кабриолета, главной изюминкой которого было отсутствие двигателя внутреннего сгорания.

Это была первая модификация электромобиля.

Уже тогда их «Эко» вызвал немалые споры, потому что был брошен вызов не на словах, а на деле «бензомафам».

И вызов серьезный. «Эко» был городским автомобилем для богатых, развивал скорость до 150 километров в час, аккумуляторы позволяли проехать без зарядки до 300 километров. Правда, не все хорошо было с компоновкой.

Об этом и сказала Федору Геля, которая, не стесняясь, подошла к нему (Федор сидел за рулем, демонстрируя иностранный лоск. На Федоре были широкополая шляпа и белый джинсовый костюм).

Вежливо поздоровалась, но вторая ее фраза была убийственной.

— До чего же она у вас уродлива!

И добавила:

— Вы на ее фоне смотрите совершенно роскошно, по — американски. Но это ведь нелепо!

Федора подмывало вскочить, сказать что-нибудь вежливо — резкое.

Но он удержался, только взял за руку Гелю.

— Я предлагаю вместе пообедать.

И она согласилась. Федор не сомневался, дальше все пойдет по обычному сценарию: ресторан, постель, небольшой романчик.

Но обычный сценарий был забракован Гелей, как и дизайн автомобиля.

— Ваша «Эко» похожа надохлую нутрию, я однажды видела такую. Неужели у вас глаз нет?

Федору во второй раз хотелось царапнуть девушку. И снова он удержался, и испытал при этом жгучее удовлетворение.

Ресторан был, они всласть поговорили, вернее, говорил он. А вот постели не было. И долго не было. Постель появилась месяца через три. И предложила ее сама Геля.

Она просто привела Федора в свою квартиру, разделась и раздела не сопротивлявшегося Федора, объяснив все это тремя словами: «У нас тут тепло».

Потом было даже жарко.

Так начались их отношения, которые превратились в деловое сотрудничество — оказалось, Геля кое-чего понимает в дизайне.

Она прекрасно рисовала (левой рукой), знала всех ведущих автомобильных спецов по части оформления автомобиля. И самое главное — имела свою концепцию автомобильного дизайна.

Геля утверждала, что автомобиль не должен быть красивым, а должен содержать в себе образ красоты — природы.

— Понимаешь, — горячо говорила она в постели, — мы стремимся делать вещи все красивее и красивее. Причем, не задумываясь, что здесь красота неуместна.

Здесь уместно понимание красоты. Я смотрю на новые модели и глазу не на чем остановиться: дизайнеры исходят от того, чтобы выписать линию и поразить воображение ее необычностью.

А я хочу, чтобы автомобиль что-то напоминал человеку, например, какую-то деталь детства. Вот замечателен дизайн у «Смарта» — как детская игрушка.

А я хочу пойти еще дальше. Для тебя я создам дизайн «второгодника». Ты не был второгодником?

Федор от чистой души смеялся, потом понял, что имела в виду Геля. Второгодник — он ведь отверженный, вечно обиженный, с комплексами. Это целый пласт культуры, родивший множество талантливых людей.

— Что ты имеешь в виду визуально? — спросил.

И Геля вскочила с постели, нашла с шатающимся грифелем карандаш и на клочке газеты изобразила очень грустную машину, у которой фары были глазами, а лобовая часть головой, а корма — туловищем.

Федор долго рассматривал картинку. На него действительно такая машина навевала

определенные чувства собственной неполноценности. Ему хотелось защитить машину от обидчиков. Но в то же время, появлялась уверенность, что из этого гадкого утенка что-то получится.

Он взял Гелю сначала на нештатную, а затем и штатную работу и тут же предложил ей выйти за него замуж.

Геля отказала.

— Я не спрашиваю, любишь ты меня или нет, — не сдержался тогда Федор, — но мы ведь работаем в одной фирме, а не полагается, чтобы генеральный директор имел любовницей свою подчиненную. Или это тоже твой «второгодничный» принцип, чтобы жалели или смеялись над нами?

— А мы просто не будем любовниками. Ты меня пригласил на работу, вот и все. Постель в сторону. Думаю, у тебя найдется пара десятков желающих скрашивать твое мужское одиночество.

— Тебе не кажется, что это слишком оригинально?

— Я никогда не стремилась быть оригинальной, а только естественной. Я еще не люблю тебя, так зачем идти в жены? Не лучше ли будет, чтобы мы расстались, как любовники, и соединились, как специалисты?

Оставшись один, Федор вдруг осознал, что

Геля не шутит. И тогда он позвонил ей и сказал, что на работу ее брать не будет, лучше уж все оставить, как было прежде.

— А я от тебя тогда уйду. Я твердо решила работать с машинами. Мне нравится, ты меня заразил.

— И у меня нет выхода? — спросил голосом двоечника Федор.

Впервые в жизни он чувствовал себя таким униженным.

— Нет. У тебя нет выхода.

Федор положил трубку, подумал немного и снова позвонил.

— Завтра я жду тебя ровно в девять в моем кабинете. У нас не опаздывают, а кто опаздывает, выгоняют.

Голос его был свиреп, Геля расшевелила в нем кого-то очень сурового. Может быть, деда, позволявшего себе кричать на бабушку и неоднократно от нее уходившего.

Геля пришла ровно в девять, уселась на небольшую табуретку, стоящую у окна. На эту табуретку обычно взбиралась уборщица Нюра, чтобы снять пыль с потолка и карнизов.

— Садитесь в это кресло, Геля Гавриловна, начнем работать.

Геля села в кресло, Федор вызвал своих заместителей и представил нового сотрудника.

Вера Клотикова насмешливо — удивленно глянула на Гелю, определяя ее женскую весовую категорию.

Илья Глубин, как обычно, просматривал документы в электронном гроссбухе и лишь при слове «сотрудник» поднял голову.

Брови его слегка приподнялись и тут же опустились, он был в курсе всех романов шефа.

Федор окинул быстро общую картину и остался удовлетворен. Переход в плотные слои атмосферы коллектива нештатника в сотрудники состоялся.

Вера ведет себя пристойно, если и вспомнит о своей язвительности, все равно момент упущен. Глубин занят расчетами последнего варианта гоночной модели. Ну а Остап Крохотов, его единственный испытатель, добродушный верзила, прокручивает, наверное, утренние съемки фильма под названием «Воспитание сына».

Федор коротко рассказал, что Геля собой представляет как специалист. Потом Геля кое-что добавила о себе и сразу свернула разговор на внешний вид машин, которые уже стали достоянием рынка.

— Судя по отчетности, с которой я познакомилась, — заявила Геля, — дела по продажам идут неблестяще, а вот фирма «Абсолют» из Польши вообще отказалась быть

дистрибьютором. Они прямо говорят о плохом дизайне. Я, правда, не понимаю, что такое плохой дизайн. Не бывает плохого того, что не должно быть плохим. Если вы плохо дышите, то сразу умираете, не так ли?

При этих словах Геля обернулась к Вере, словно именно та возражала ей.

Вера от неожиданности мило улыбнулась и собралась что-то сказать, но Федор объявил дискуссию законченной.

Геля смотрела на него с удивлением, она только хотела выложить свою полную концепцию.

— Геля, — сказал Федор, — мы вас еще послушаем, а пока я только хотел вас представить и запустить сразу в дело.

— У тебя это очень удачно получилось, — сказала Вера, вставая и оглаживая точеную фигуру тонкими кистями рук.

Федор улыбнулся. Все знали, что с Верой у него был небольшой роман, оборвавшийся на самом интересном месте, и что Вера очень ревнива к новым пассиям шефа.

Наверное, подумала Геля, он ей тоже предлагал руку и сердце.

— Завтра мы выезжаем в Боярцы, Остап ты готов?

Остап вздрогнул и испуганно глянул на начальника.

— Он всегда готов, только вот к чему, — сказала Вера, обходя кресло Остапа и кладя ему руки на плечи.

Остап долго заводился, но быстро ездил. Испытателем он стал совершенно случайно. В его автомобиль въехала какая-то дамочка, жена крутого бизнесмена.

Машина восстановлению не подлежала, а бизнесмен оказался честным и справедливым, купил Остапу спортивный «Ягуар». Эта машина могла разогнаться до 300 километров в час.

Остап выезжал на автобан и катался с ветерком. На автобане его и увидел Федор, когда на своем «Ягуаре» Остап промчался мимо с такой скоростью, словно машина Федора стояла на месте.

В считанные секунды обгона Остап успел улыбнуться Федору и тот понял, что это человек из его мешка.

Федор доверял первым впечатлениям и практически никогда не ошибался.

— Я в Боярцах два дня тому был, все на мази, можно показывать.

Геле повезло, она появилась как раз тогда, когда работа над последней моделью «АБВ» практически была завершена. Геля видела фото «воздушки», как сотрудники называли новый автомобиль, работавший на сжатом воздухе, ничего хорошего о дизайне машины, естественно, не

сказала, но загорелась «сделать конфетку» и показать, на что способна.

* * *

В Боярцах стояла особая тишина. Обычно даже ночью, лежа в постели, Федор слышал легкий звон в ушах. Если прислушаться, можно услышать и далекий перестук поездов, и даже чей-то разговор, но все равно это называлось тишиной.

В Боярцах в ушах было тихо. Тут не ходили поезда, а все завалило мелким снегом, казалось, что живым является только свет, излучаемый тем же снегом.

В этой тишине хорошо думалось. Не зря Пушкин писал свои лучшие произведения в деревне.

Человек — маленькая энергетическая станция, от которой идут излучения, разного рода сигналы. Закрой глаза — и к тебе могут явиться даже умершие твои хорошие знакомые.

Федор никогда не был материалистом, а когда почитал кое-что по новейшей квантовой физике, понял, что материя неразрывно связана с духом, и одно без другого существовать не может.

Это и натолкнуло его на идею о принципиально новой конструкции двигателя, который бы пользовался энергией, а не топливом.

Если материя состоит из мельчайших частиц, разгоняющихся с невиданной скоростью, то почему бы не использовать эту скорость для передвижения по земле и воздуху?

Сначала идея казалась совершенно абсурдной. Нет таких технологий, которые бы могли дать возможность приблизиться к решению этой архисложной задачи, не то, что решить ее.

Наверняка тот, кто бы это сделал, стал первым и высочайшим гением всех времен и народов.

Федор нашел институт, состоящий из пяти человек, который занимался идеями-сказками. Институт этот именовался необычно: «Вера. Знание. Прорыв».

Так никто никогда не называл институты и в печати именовали его просто как Институт будущего.

В этом институте Федор и познакомился с Верой Клотиковой. Она занималась проблемой получения энергий разнополюсных сближений.

— Все очень просто, — ошарашила в первый же приход Федора Вера (фигура пловчихи, голос актрисы, лицо опытной женщины). — Вы создаете огромную разницу температур, начинается разнополюсное движение, которое и является источником колоссальной двигательной энергии. Весь вопрос, как создать эту разницу температур.

Вера была из тех ученых, которые находят

решения неожиданно, в казалось бы, случайных обстоятельствах. Однажды, отдыхая в Алушке, на пляже познакомилась с молодым человеком. Тот барахтался беспомощно, как ребенок, в небольшой лагуне и ничего у него не получалось.

Вера всегда отдыхала одна. Одна и приезжала к этой лагуне, тут хорошо думалось. Волны накатывали на голыши, шли в лагуну непрямыми путями, за ними любопытно было наблюдать. Это движение создавало в голове новые комбинации нейросетей, они складывались в причудливые замыслы.

Вера сидела и смотрела на воду, мысли приятно волновали ее сознание. Ей было хорошо одной.

Ее покой разбил молодой человек, который не умел плавать.

Каким-то образом волна вытащила его из кармана лагуны на глубокое место. И началась борьба за жизнь. Конечно, Вера тут же вошла в воду.

Молодой человек часто дышал и мигал глазами.

Вера отчитала его по полной программе. Разговаривала она сюсюкающим языком, как с недоразвитым. А молодой человек и был сейчас недоразвитым: действительно, кто лезет в воду, не умея плавать. Хорошо, что Вера оказалась на

берегу.

Молодой человек с длинными светлыми волосами, свисающими на худые с детскими ключицами плечи, и был Корнеем Толстым, старшим научным сотрудником Института прочности.

Вере стало тут же стыдно за свой тон. А Корней не уставал благодарить, а потом вдруг признался, что это все он нарочно устроил, хотел познакомиться. Уже второй сезон он приезжает сюда в то же время, что и Вера, только по этой причине.

— А откуда вам известно, что я приеду в определенное время?

— А у меня разведка своя есть, вот и докладывают.

— Это не Ласточка Короткова?

— Ласточка Короткова, — согласился Толстой. — Она меня на вас и вывела. Дело в том, что я хочу жениться, а девушки, которая бы мне понравилась, поблизости нет. Ласточка моя однопартница еще по школе, мы с ней дружим. Правда, был момент, когда...

Но это теперь неважно. Она мне показала вас издали, потом я сидел рядом с вами на сеансе и еще попросил объяснить, почему все едят этот жуткий попкорн. Вы невежливо ответили мне и тогдашнее знакомство не состоялось. Пришлось приехать

сюда. Здесь мы, как я понимаю, одни, ведь вы не любите отдыхать в компаниях или с кем-то.

— И вы решили, что я вам подхожу в жены? — рассмеялась Вера.

Давно она так не смеялась, сама подивилась звонкости своего смеха.

— Конечно. По всем статьям. Мы будем питаться в кафе, у меня есть одно на примете, там готовят прекрасные борщи и котлеты по-киевски. А в свободное время — путешествовать и говорить друг с другом. Вы ведь интересный ученый, я читал ваши работы.

И я ученый. Мало того, у нас много общих интересов. Вы хотите создать принципиально новый двигатель на сжатом воздухе и не знаете, как достичь высокой температуры с быстрым охлаждением. А я все это знаю и умею.

Если бы Вере сказали, что это она все видит во сне, даже и тогда она бы не поверила. Такого в жизни не бывает. Это что же получается, она живет тихо-смирно своей жизнью, полностью уверенная в своем душевном одиночестве, наслаждаясь красотой мира (совсем недавно она разгадала формулу красоты: материя и душа должны жить в согласии — гармонии — тогда возникает от их соприкосновения красота).

А вокруг идет другая жизнь, направленная на то, чтобы разбить ее мирок... Хотя, хотя взамен